

щается к самым разным аспектам аграрной символики, и у этих обращений есть своя логика, зависящая как от идеологии автора, так и от исторического момента. Сам процесс символизации, произошедший в XIX веке, кажется вполне закономерным, учитывая преимущественно аграрный уклад России и размышления о судьбах крестьянства многих писателей. Крестьяне, становившиеся объектами программ по изменению общества, как и их деятельность, неизбежно должны были символизироваться в литературе.

В XX веке аграрная и сельскохозяйственная топка в подавляющем большинстве случаев репрезентировала на коннотативном уровне радикальную политическую идеологию и превратилась во вполне конкретные «слова-сигналы», в знаки революционности как таковой. Их эффект сейчас, возможно, не так ощутим, вместе с тем, как мне кажется, именно широкий контекст поэтического революционного мифа часто может объяснить обилие аграрной топки в русской литературе. В частности, в свете намеченного сюжета статья Мандельштама «Пшеница человеческая» (1922), во многом перекликающаяся со статьей Ходасевича «О завтрашней поэзии», обретает несколько иную, более радикальную в политическом плане, смысловую конфигурацию.⁵⁹

⁵⁹ См. о ней: *Тоддес Е. А.* Статья «Пшеница человеческая» в творчестве Мандельштама начала 20-х годов // *Тоддес Е. А.* Избр. труды по русской литературе и филологии. М., 2019. С. 371–393. В статье, в частности, подробно анализируются смыслы аграрной метафоры, однако революционные коннотации обсуждаются минимально.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-147-157

© А. М. Грачева

МАРИНА ЗОТОВА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (МАКСИМ ГОРЬКИЙ И ЮЛИЯ ДАНЗАС)

В истории русской культуры первой половины XX века Юлия Николаевна Данзас (1879–1942) известна как авторитетный ученый-теолог, историк религиозных учений, публицист. Она родилась в Афинах, в семье Н. К. Данзаса — первого секретаря русской дипломатической миссии. Данзас получила блестящее домашнее образование и экстерном сдала экзамен за гимназический курс. С детства в совершенстве владевшая древними языками, она увлеклась античной культурой, и в особенности эпохой эллинизма. Данзас стала вольнослушательницей в Сорбонне и защитила там диссертацию по гностицизму. В юности девушка влюбилась в женатого человека, но не пожелала разрушить его брак и в дальнейшем так и не вышла замуж. В соответствии со статусом своей семьи с 1907 по 1917 год Данзас была фрейлиной императрицы Александры Федоровны по делам благотворительности. Известно, что она отказалась от предложения стать воспитательницей великих княжон и была резко против возраставшего при дворе влияния Григория Распутина. Под псевдонимом «Юрий Николаев» Данзас опубликовала книги «Запросы мысли» (1907) и «В поисках за Божеством» (1913). В эпоху Серебряного века результаты последнего исследования, уникального по научной значимости, написанного прекрасным литературным языком, отразились в том или ином виде в творчестве Алексея Ремизова, Александра Блока, Андрея Белого и ряда других писателей. Как ученый, Данзас изучала жизнь православных монастырей и общин сектантов; переодевшись простолюдинкой, посещала собрания сект, в том числе хлыстовские радения. Она была членом Религиозно-философского общества. В 1914 году Данзас ушла на фронт, трудилась сначала в Красном Кресте, затем в 1916 году поступила добровольцем в 18-й Оренбургский Казачий полк и за проявленную храбрость была награждена Георгиевским крестом. В 1917 году ей предлагали возглавить Женский батальон, но она отказалась. Зимой 1917 года Данзас вернулась в Петербург

после сообщения о тяжелом инсульте у матери. С 1918 года она работала в Публичной библиотеке в Отделении богословия, а в дальнейшем в Отделении инкунабул, параллельно читала лекции по французской и английской истории во 2-ом Государственном университете (ныне РГПУ имени А. И. Герцена).

После 1917 года жизненный путь Данзас оказался связан с движением русских католиков восточного обряда, в 1920 году она приняла постриг под именем монахини Иустины (Жюстины), а затем в полной мере испытала на себе тяготы преследования новой властью последователей греко-католической церкви.¹ В 1923 году Данзас была арестована по делу русских католиков и до 1932 года находилась в тюрьмах и лагерях. В 1934 году она эмигрировала и вступила в Доминиканский орден сестрой-терцианкой под именем Екатерина. Скончалась Данзас в 1942 году в Риме.

Драматические перипетии лагерного бытия этой яркой фигуры русского религиозного Возрождения начала XX века нашли отражение в романе Б. Ширяева «Неугасимая лампада», в котором Данзас выведена под прозвищем «Баронесса-фрейлина»; в эпопее А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» (т. 2, ч. 3, гл. 2); наконец, в ряде мемуаров, в частности в воспоминаниях сидевшего вместе с ней в Соловецком лагере Д. С. Лихачева.²

В настоящее время началось серьезное исследование ее биографии, философских взглядов, приступили к публикации ее неизданного наследия.³

В предыдущих работах, посвященных Юлии Данзас,⁴ автор настоящей статьи проследила эволюцию историософских и теологических воззрений писательницы, которые привели ее к принятию католицизма. Также кратко, вслед за первооткрывателем этой темы М. С. Агурским, был затронут вопрос о Юлии Данзас как об одной из прототипов героини эпопеи М. Горького «Жизнь Клима Самгина» — образованной эстетки и хлыстовской «богородицы» Марины Зотовой.⁵

Данная статья посвящена рассмотрению пересечения жизненных путей Максима Горького и Юлии Данзас и анализу той роли, которую писатель сыграл в судьбе первой русской женщины-теолога. Перипетии их контактов отчасти уже раскрыты в статье М. С. Агурского «М. Горький и Ю. Н. Данзас». Однако история их взаимоотношений может быть существенно дополнена за счет включения в научный оборот преимущественно эпистолярных материалов, оставшихся неизвестными М. Агурскому, хранящихся в Архиве А. М. Горького в ИМЛИ РАН (далее — АГ) и в петербургском Центральном государственном архиве (ЦГА). Надо также отметить, что в личном архиве Ю. Н. Данзас, находящемся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (Ф. 451) и содержащем материалы периода ее жизни в России, эпистолярные доку-

¹ См.: *Диакон Василий ЧСВ* [фон Бурман]. Леонид Федоров. Жизнь и деятельность. Рим, 1966. С. 397–432; *Шкаровский М. В.* Русские католики в Санкт-Петербурге (Ленинграде) // *Минувшее. Исторический альманах*. СПб., 1998. Вып. 24. С. 439–483.

² *Лихачев Д. С.* Воспоминания. СПб., 1995. С. 230–235.

³ *Parravicini G., Stratanovskij S.* Julija Danzas. Milano, 2001 (см. также рец. на эту кн.: *Вагин Е.* Русская католичка Юлия Данзас // *Русская мысль* (Париж). 2001. 28 июня. № 4370); *Козырев А. П.* «Женщина с профилем Наполеона» и судьбы русского гнозиса // *Историко-философский ежегодник*. 2003. М., 2004. С. 158–190; *Niqueux M.* 1) Julia Danzas (1879–1942): De la cour impériale au baigne rouge. Genève, 2020; 2) De l'armée russe à la «milice du Christ»: l'engagement de Julia Danzas, demoiselle d'honneur de l'Impératrice // *La Revue Russe*. 2016. № 47. P. 47–57; *Юрий Николаев* [Данзас Ю. Н.]. Наедине с собой / Публ., вступ. заметка и прим. М. Никё // *Звезда*. 2017. № 11. С. 60–123; *Никё М. М.* Горький и гностицизм // *Международная научная конференция «Мировое значение М. Горького»* (к 150-летию со дня рождения). 27–30 марта 2018 года. ИМЛИ РАН: Аннотации научных докладов. М., 2018. С. 57.

⁴ *Грачева А.* Рим мыслимый и реальный в страдах Юлии Данзас // «Беспокойные музы»: к истории русско-итальянских отношений XVIII–XX = «Le muse inquietanti»: per una storia dei rapporti russo-italiani dei secoli XVII–XX. Salerno, 2011. P. 293–309 (Europa Orientalis. Archivio russo-italiano. Русско-итальянский архив. VIII); *Данзас Ю. Н.* Письмо С. А. Венгеру / Вступ. заметка и публ. А. Грачевой // *Ibid.* P. 310–312.

⁵ См.: *Агурский М. М.* Горький и Ю. Н. Данзас // *Минувшее. Исторический альманах*. М., 1991. Вып. 5. С. 361 (репринт изд.: Paris, 1988); *Грачева А.* Рим мыслимый и реальный в страдах Юлии Данзас. С. 309.

менты отсутствуют. Возможно, что какие-то добавочные источники по тематике исследуемой научной проблемы сохранились в итальянской части личного архива Данзас (Ватикан).

М. Горький знал главную книгу Ю. Николаева (Ю. Н. Данзас) — «В поисках за Божеством». Это издание с пометами писателя хранится в его библиотеке.⁶ Однако личная встреча оппозиционного литератора и фрейлины Двора состоялась уже после 1917 года в революционном Петрограде. Наиболее тесно они соприкоснулись при совместной работе в КУБУ (Комиссии по улучшению быта ученых), которую возглавил Горький.

После Октябрьского переворота Данзас выселили из квартиры на Сергиевской улице, и она была вынуждена искать кров для себя, для парализованной, вскоре умершей матери и пожилой тети. С целью обрести крышу над головой она стала заведующей Отделением Дома Ученых, расположенным по адресу: Потемкинская ул., д. 7, кв. 3. В Анкете о составе его служащих значится поступившая на службу 15 марта 1920 года «ученый, писатель и преподаватель истории»,⁷ заведующая Отделением, Юлия Николаевна Данзас, 1879 г. р., проживающая вместе с теткой по тому же адресу (Потемкинская ул., д. 7, кв. 3).

Первый блок сохранившихся писем Данзас к Горькому относится к периоду 1920–1921 годов. По тематике они в основном посвящены тяжелым в то время «бытовым» вопросам. Так, в послании от 15 января 1921 года она писала:

«Многоуважаемый Алексей Максимович,

Приношу Вам искреннее извинение за причиняемое беспокойство, решаюсь все же обратиться к Вам, как к председателю „Комиссии по улучшению быта ученых“ и, прежде всего, как к отзывчивому, сердечному человеку. Вам я известна, как постоянный сотрудник „Всемирной литературы“, а также по издательству З. И. Гржебина, от которого, если помните, я получила заказ на ряд монографий и книг. За эту весьма для меня интересную работу я принялась с большой радостью, почти закончила первую из заказанных монографий («Платон»), — но тут на меня обрушилось непредвиденное бедствие: второй месяц не дают мне почти никакого света! Дают ток далеко не каждый день, и то на 1–2 часа, и притом в самые невозможные для меня часы и без всякой системы: то от 5 до 6, то от 8 до 9 и т. п. Это равносильно лишению всякой возможности работать. Вы, конечно, сами знаете, что нельзя требовать от себя серьезной и вдумчивой работы в необычный, неудобный и заранее неизвестный час! Для меня это вдвойне трудно: я, к сожалению, ночной человек, — привыкла очень мало спать и работать серьезно только в очень поздние часы, даже тогда, когда моя жизнь дневная складывалась для меня легко и удобно. А теперь, когда после дня, проведенного на службе, приходится переходить на амплуа дворника, таскать и колоть дрова, топить, носить воду и т. п. — разве мыслимо сразу хвататься за научную работу только потому, что вдруг вспыхнуло электричество! Если даже предположить, что к тому времени закончена неизбежная порция самого грубого физического труда (что весьма редко), так и то не сразу соберешься с мыслями, и вот, не успеешь сосредоточиться, как погружаешься в беспросветный мрак! Я всюду кидалась в поисках керосина, но всегда тщетно: за большие деньги нельзя достать.

Что эта тьма лишает меня заработка, столь необходимого для поддержания целой семьи, для которой я — единственный кормилец, — об этом мне говорить не хочется: как ни тяжелы мои личные обстоятельства, я бы не позволила себе утруждать ими Ваше внимание. Но я смею надеяться на Ваше сочувствие человеку — писателю, осужденному на бездействие, на пребывание в темноте, убийственной для психического состояния! Могу Вас уверить, что от такого ежедневного сиденья по несколько часов в полном мраке очень легко сойти с ума. И только безвыходное отчаяние заставляет

⁶ Личная библиотека А. М. Горького в Москве. М., 1981. Кн. 1. С. 303.

⁷ Анкета о составе служащих Отделения Дома Ученых по Потемкинской ул. 7, кв. 3 // ЦГА. Ф. 2995. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 200.

меня беспокоить Вас просьбой о помощи, об оказании содействия для обеспечения каким-нибудь освещением. Так трудно и тяжело за себя просить! Но я узнала, что мой родственник Н. Н. Герздорф по собственной инициативе заговорил обо мне в этом смысле, — кажется, с А. Р. Дидериксом, и это придает мне смелости возбудить самой ходатайство о себе. Не знаю, можно ли мне просить о включении моей квартиры в бронированный кабель? Вероятно, это сопряжено с слишком большими техническими затруднениями. Но, может быть, я могла бы надеяться на ежемесячную выдачу хотя бы 20–30 ф<унтов> керосину (конечно, не бесплатно)? Для меня это было бы просто спасением, предоставлением возможности работать, жить, сохранить душевное здоровье и работоспособность... Если бы Вы признали возможность оказать мне в этом содействие, то явились бы спасителем не жизни человеческой, а чего-то более ценного: — души, разума, умственных сил.

Простите, что злоупотребляю Вашим терпением таким длинным письмом. Я просто не знаю, как изобразить свое отчаянное положение и какими словами выразить Вам заранее свою признательность за всякую помощь, которую Вы признаете возможным оказать мне в этом деле. Еще раз искренне извиняюсь за беспокойство и прошу верить в мое глубокое, признательное уважение.

Ю. Данзас». ⁸

Она многократно общалась с Горьким в издательстве «Всемирная литература», на заседаниях в Доме Ученых, бывала у него дома. О последнем свидетельствуют сохранившиеся в архиве писателя перечни посетителей его квартиры на Кронверкском проспекте. См. запись И. Н. Ракитского: «Данзас Юлия — литературный псевдоним: Юрий Николаев — автор книги „В поисках Божества“». ⁹ Кроме личных вопросов, связанных с неустроенным бытом революционного Петрограда, Данзас неоднократно обращалась к Горькому с просьбами об освобождении людей, арестованных ЧК. Этому посвящено ее письмо от 1 июня 1921 года:

«Глубокоуважаемый Алексей Максимович, спешу Вас уведомить, что засада на квартире И. И. Манухина ¹⁰ снята и все задержанные выпущены, кроме моей помощницы по Отделению Дома Ученых, Елены Петровны Анохиной-Лебедевой, ¹¹ которую отвезли на Гороховую. Приходится опять Вас беспокоить этим делом и просить Вас не отказать похлопотать за Анохину-Лебедеву, которая, очевидно, арестована по подозрению, так как более безвредного со всех точек зрения человека нельзя себе представить. Кроме того, быть может, Вы не откажете заинтересоваться судьбой лечебницы И. И. Манухина, которую после обыска почему-то опечатали, между тем как скорейшее открытие ее необходимо ввиду большого наплыва пациентов у заместительницы И. И. Манухина.

Приношу Вам искренние извинения за причиненное беспокойство, вместе с выражением глубокого моего уважения и преданности.

Ю. Данзас.
(Потемкинская 7, кв. 3)». ¹²

⁸ АГ. КГ-РЗН-1-136-3. Л. 1–2 об.

⁹ *Ракитский И. Н.* Список лиц, посещавших А. М. Горького на Кронверкском, 23 в Петрограде в 1917–1921 годах // АГ. БИО. 372. Л. 2. Напротив фамилии Данзас — позднейшая приписка рукой неустановленного лица: «За границей».

¹⁰ Манухин Иван Иванович (1882–1958) — врач, общественный деятель. В 1914 году успешно лечил Горького от туберкулеза. В декабре 1921 года после неоднократного обращения Горького к В. И. Ленину получил разрешение покинуть Россию. С 1921 года — в эмиграции (Франция, Париж).

¹¹ Анохина (урожд. Лебедева) Елена Петровна (даты рождения и смерти неизвестны) — художница. До революции — автор эскизов к многочисленным популярным открыткам в «русском стиле».

¹² АГ. КГ-РЗН-1-136-1. Л. 1.

В июльской записке к писателю 1921 года она также хлопотала (как оказалось в итоге — безрезультатно) об арестованных — профессоре Н. И. Лазаревском и священнике А. И. Боярском:¹³

«Глубокоуважаемый Алексей Максимович, <1 нрзб.> Вам просьба походатайствовать о скорейшем освобождении профессора Николая Ивановича Лазаревского, который арестован третьего дня вечером по делу священника Боярского, личного его друга. Свящ<енник> Александр Боярский тоже арестован вчера в Колпино местной ЧК по обвинению в принадлежности к партии с.-р. Это недоразумение, — Боярский всегда сочувствовал социализму, но партийным работником никогда не был. Он — идеалист и прекрасный общественный деятель в лучшем смысле этого слова, имеет огромное и благотворное влияние на рабочих, которые его обожают. Умоляю Вас заступиться за этого достойного человека и ускорить освобождение как его, так и попавшего в эту историю по недоразумению Николая Ивановича Лазаревского».¹⁴

Однако еще в 1920 году помощь писателя потребовалась самой Данзас: 5 марта она была арестована ЧК, но по горьковскому ходатайству от 6 марта освобождена.¹⁵

Как известно, в августе 1921 года Горький покинул Россию, а в 1923 году Данзас была вновь арестована по делу русских католиков и получила 10 лет тюремного заключения. После ее ареста и осуждения находившийся вне Советской России Горький продолжал следить за судьбой Данзас и по возможности помогать ей. Так, сохранилась Справка об аресте Ю. Н. Данзас, подготовленная для Горького В. М. Ходасевич в феврале 1925 года: «Юлия Николаевна Данзас (после пострижения сестра Жюстина) арестована 17го или 19го ноября 1923 г<ода> в Ленинграде и переведена в Москву (когда неизвестно). Арестована по делу католической миссии, приговорена в мае или июне 1924 г<ода> в Москве к 10 годам заключения и выслана неизвестно куда. Окольными путями брат ее узнал, что она находилась в ноябре 1924 г<ода> в лагере „Лак“ Иркутской губернии. Католическая миссия, бывшая в СССР, отозвана в сентябре 1924 г<ода> обратно».¹⁶ Очевидно, основываясь на данных этой справки, Горький спрашивал Е. П. Пешкову в письме от 25 февраля 1925 г<ода>: «А также, не знаешь ли чего-нибудь о судьбе Юлии Николаевны Данзас, арестованной еще в 1923 г<оду> по делу католической миссии? В ноябре <19>24го <года> она находилась в лагере „Лак“. Иркутск<ой> губ<ернии>. Это очень милая душа, автор весьма умных, интересных книг. Я ее лично знаю, контрреволюционер<кой> она не может быть. Она перешла в католичество и постриглась в монахини под именем сестра Жюстина. Будь добра — справься!»¹⁷

Для Данзас основным местом отбывания наказания стал Соловецкий лагерь особого назначения. Во время ее пребывания там Горький письменно поддерживал отношения с ней и сам, и через Е. П. Пешкову.¹⁸ Он также лично встретился с Данзас

¹³ Лазаревский Николай Иванович (1868–1921) — правовед, профессор Высших Женских (Бестужевских) курсов, член партии кадетов. Расстрелян в 1921 году по так называемому «таганцевскому делу». Боярский Александр Иванович (1885–1937) — деятель обновленчества. До 1922 года протоиерей РПЦ. С 1933 года архиепископ Ивановский и Кинешемский. В 1937 году расстрелян. Подробнее о нем см.: *Мельгунов С. П.* Красный террор в России (1918–1923). Чекистский Олимп. 2-е изд., доп. М., 2008. С. 170; *Лавринов В., прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 49 (Материалы по истории Церкви. Кн. 54).

¹⁴ АГ. КГ-РЗн-1-136-2. Л. 1.

¹⁵ См.: *Шкаровский М. В.* Русские католики в Санкт-Петербурге (Ленинграде). С. 478.

¹⁶ [Ходасевич В. М.]. Справка об аресте Ю. Н. Данзас Горькому. 1925, февр. До 13 // АГ. КГ-РЗн-11-26-1.

¹⁷ *Горький М.* Письмо Е. П. Пешковой. <25 февраля 1925> // АГ. ПГ-рл-30-19-687. Л. 1. Опубл.: *Горький М.* Полн. собр. соч. и писем. Письма: В 24 т. М., 2012. Т. 15. Письма, июнь 1924 — февраль 1926. С. 128.

¹⁸ *Агурский М. М.* Горький и Ю. Н. Данзас. С. 362.

во время своего посещения Соловков.¹⁹ Впоследствии она описала их встречу в своих воспоминаниях, текст которых является прямым пре-текстом повествования о судьбе Данзас в книге дьякона Василия ЧСВ (фон Бурмана) «Леонид Федоров. Жизнь и деятельность».

Летом 1932 года Данзас была освобождена и находилась на территории СССР до своего выезда за границу в 1934 году. К этому хронологическому периоду относится следующий блок ее сохранившихся писем к А. М. Горькому и Е. П. Пешковой. Тематика этих посланий связана не только с обстоятельствами жизни Данзас после выхода из лагеря и с ее попытками как-то приспособиться к новой действительности, но и с обсуждением возможности покинуть Россию. Последнее напрямую было сопряжено с усилиями ее находившегося за границей брата — Якова Николаевича Данзаса, искусствоведа, ранее сорудника Эрмитажа, в эмиграции работавшего в Национальном музее Швеции (Стокгольм), — использовать для вызволения сестры применявшуюся тогда советскими органами практику получения крупного денежного «выкупа» из-за границы как платы за разрешение выехать из СССР.

После освобождения из лагеря Данзас некоторое время жила и работала в Грузии на Сакарской виноградной опытной станции. В это время она обменивалась посланиями с Е. П. Пешковой, неоднократно оказывавшей ей посильную помощь деньгами и вещами. О нестерпимых условиях своего пребывания в Грузии Данзас информировала жену Горького в письме от 20 июня 1932 года: «Я Вам писала 30/VI и 1/VII грустные письма, в которых взывала к Вашей доброте, прося о какой-нибудь возможности меня отсюда вытянуть. Если Вы их получили, то имеете представление о тех условиях, в которых я здесь очутилась. Жилищный вопрос разрешился тем, что меня пристроили в *темный* чулан около туалета, сплю на доске, положенной на 2 табуретки. <...> Местные люди не имеют ни малейшего представления о европейском понятии данного слова; когда им напоминают: „вы обещали“ или „он обещал“, то только смеются. Они думают только о грызне между собой. Я всегда отличалась большой приспособляемостью к всевозможным условиям (и, кажется, доказала это), но здесь у меня пропала вся энергия, вся моя бывшая бодрость, я тону в каком-то болоте беспомощного отчаяния. Может быть, это потому, что после стольких лет напряженных усилий воли к жизни я увидела проблеск надежды на лучшее существование, и вдруг опять провалилась в бездну невозможного и бессмысленного существования. <...> Я теперь ясно чувствую, что я — конченный человек. Вы говорите, что надо гнать мрачные мысли, потому что жизнь все-таки интересна. Да, конечно, но теперь я не могу за ней следить. У меня теперь нет даже газеты! Где-то протекает жизнь, но мне в ней места уже нет, даже в качестве зрителя. Если возможно, сообщите Якову Ник<олаевичу>, что мое сердце и мысли с ним. И с Вами тоже, дорогой, неоценимый друг (позвольте Вас так называть!)».²⁰

В следующем письме, от 18 августа, Данзас вновь жаловалась на жизненные обстоятельства и просила изыскать для нее хоть какую-нибудь возможность вернуться в Ленинград и заняться переводческим трудом: «<...> В моем темном чулане я чувствую себя гораздо дальше от всего мира, чем даже когда-то в одиночке: там, по крайней мере, было светло, были книги и газеты и слышалась изредка разумная человеческая речь. А здесь черная тишина нарушается пьяными выкриками, так как кругом поголовное, повальное дикое пьянство. Сейчас пишу Вам при свете ночника, так как мне удалось добыть немного керосина (1 р <убль> бутылка), а рядом происходит оргия, и „научные сотрудники“, как всегда пьяные, забавляются тем, что кидают из окон столь же пьяных „сотрудниц“ <...> На днях, улучив минуту, когда директор был трезв, я к нему пристала с категорическим требованием хоть какой-нибудь платы за эти почти два месяца, и после противной для меня самой сцены он, наконец, где-то достал и дал мне 100 рублей. Это называется „авансом“, но ясно, что тут вообще ничего нельзя получить в виде регулярной платы. <...> Я Вам пишу эти подробности, чтобы дать

¹⁹ См.: Проф. Соловецкий [Андреевский И. М.]. Максим Горький на Соловках // Новое Слово (Берлин). 1944. 18 июня. № 49 (639).

²⁰ Данзас Ю. Н. Письмо Е. П. Пешковой. 20 июня 1932 года // АГ. ФЭП-Кр-24-2-4. Л. 1–2.

Вам хоть некоторое представление о том, в каком положении я очутилась, хотя все равно всего не расскажешь».²¹

В сентябре 1932 года при посредничестве Е. П. Пешковой и с помощью письменной поддержки Горького Данзас смогла выбраться с Кавказа. 14 сентября 1932 года на пути в Ленинград она отправила следующее послание:

«Москва 14 сентября <1932 года>

Глубокоуважаемый Алексей Максимович, я очутилась в Москве на 1 день проездом обратно в Ленинград. На Кавказе мне не удалось устроиться; не утомляя Вас подробностями, могу только сказать, что, промучившись 4 месяца в невозможных условиях, без помещения, без питания, без денег, я не имела другого выхода, как бежать оттуда обратно со слабой надеждой как-нибудь устроиться в Ленинграде, где у меня, по крайней мере, есть старые друзья, которые помогут найти какое-нибудь пристанище. Острым вопросом, конечно, будет заработок, так как я могу рассчитывать только на очень скромную службу с минимальной оплатой. Все надежды на возможность заработка переводами. И вот я решаюсь вновь обратиться к Вам с просьбой о предоставлении мне переводов по издательству „Academia“ (или какому-нибудь другому). Весной, после Вашей беседы со мной, я виделась с А. Н. Тихоновым,²² договорились с ним относительно перевода Раблэ и еще других старых французских писателей, и было решено, что мне пошлют книги для перевода, как только сообщу свой кавказский адрес, но хотя я писала дважды А. Н. Тихонову, я не получила ни ответа, ни переводов. Теперь, с возвращением в Ленинград, гораздо легче будет завязать сношение с издательством, и я для этого остановилась в Москве, но, к сожалению, А. Н. Тихонова нет, а Вас я, конечно, не решаюсь беспокоить просьбой о свидании, как ни хотелось бы Вас увидеть и поздравить с Вашим юбилеем и всенародным грандиозным чествованием. Я Вам писала с Кавказа свое сердечное взволнованное поздравление, как только узнала из газет о Вашем юбилее, но мое письмо, конечно, затерялось среди тысяч других. Сегодня я была крайне огорчена, узнав о Вашем недомогании, но от всей души надеюсь, что Вы скоро совсем поправитесь, на радость миллионов почитающих и любящих Вас людей, к каковым смею причислить и себя.

Позвольте же мне, в надежде на Вашу сто раз испытанную доброту и благожелательность, попросить Вас сказать Ваше веское слово в издательстве „Academia“ по вопросу о предоставлении мне переводов. Если же почему-либо в этом издательстве может быть заминка, то, может быть, Вы не откажете мне в двух строках рекомендации в какое-либо другое издательство, напр<имер>, в Гос<ударственное> Изд<ательство> Техн<ических> книг (кажется, оно так называется). Простите, что крайняя нужда заставляет утруждать Вас такой просьбой. Вы — общепризнанный знаток человеческой души, можете понять, как горько мне так беспомощно биться в поисках заработка, когда я еще могу быть полезным работником и так страстно желаю им быть. Мне просто не везет, и в голову лезут мрачные мысли о том, что для меня нет места в жизни, но я напрягаю последние усилия, чтобы отогнать эти мысли и сохранить ясный мозг для работы, — лишь бы мне ее достать! Еще раз простите за беспокойство и позвольте крепко от всего сердца позжать Вашу руку хоть письменно.

Мой ленинградский адрес: Ленинград, п<очтовое> отд<еление> 28, улица Каляева 15, кв. 2, Марии Дмитриевне Зуевой для Юл<ии> Ник<олаевны> Данзас».²³

Судя по дальнейшим письмам, надежды Данзас стать переводчицей в каком-нибудь ленинградском издательстве так и не сбылись. Вернувшись в родной город, лишенная права на жилье, она смогла устроиться только на неквалифицированную

²¹ Данзас Ю. Н. Письмо Е. П. Пешковой. 18 августа 1932 года // АГ. ФЭП-Кр-24-2-7. Л. 1–2.

²² Тихонов Александр Николаевич (псевд.: Серебров; 1880–1956) — писатель, издательский деятель, друг А. М. Горького. В 1930–1936 годах возглавлял издательство «Academia».

²³ Данзас Ю. Н. Письмо М. Горькому. 14 сентября <1932 года> // АГ. КГ-РЗн-1-136-5. Л. 1–2 об.

техническую работу. Данзас вновь просила Горького помочь ей получить возможность зарабатывать переводами. О своей жизни в Ленинграде и о надеждах найти занятия, более соответствующие ее квалификации, она писала своему покровителю в послании от 12 сентября 1933 года:

«Ленинград
Кирочная 7 кв. 19
Л. Н. Ивановой
Для Ю. Н. Данзас

С радостью узнавая по газетам, что Вы в бодром здоровье и работаете, не покладая рук, решаю обратиться к Вам с маленькой просьбой.

Я с октября прошлого года вернулась в Ленинград и сразу поступила на работу в ЛТО на очень скромную должность, но затем меня стали быстро выдвигать, и вот уж ровно полгода я заведу канцелярией одной из больших автобаз. Работы страшно много, и очень ответственная, притом работа с большим напряжением нервов. Работаю с раннего утра до позднего вечера, даже не пользуюсь выходными днями.

Правда, горжусь званием ударницы, а на собраниях меня постоянно называют „нашей лучшей ударницей“, но все же разбитое здоровье сильно дает себя чувствовать, и я с большою озадаченностью, что уже недолго мне можно будет *так* работать, тем более при невозможных жилищных условиях (я не нашла себе жилплощади и кочую по диванам у знакомых уже 11 месяцев!). И вот у меня мелькнула мысль устроиться на более легкую работу по специальности, переводчицей. Мне со всех сторон говорят о чуде науки и техники, создаваемом под Вашим непосредственным руководством, а именно о новом Институте экспериментальной медицины; мне говорят, что там потребуются, и уже требуются, переводчики и делопроизводители-переводчики для научных сношений с разными заграничными научными обществами и учреждениями. При моем основательном знании всех европейских языков, я, вероятно, могла бы быть там полезной, а большой канцелярский опыт тут является чувствительным плюсом. И, хотя, решаю обратиться к Вам с просьбой о драгоценном Вашем автографе — о двух строках рекомендации Директору Института. С этими двумя Вашими строками я могла бы явиться к нему и предложить меня использовать по его усмотрению.

Простите, что решаю Вас утруждать такой просьбой. Я долго колебалась и не находила в себе на то смелости, но, наконец, решилась, вспомнив Ваше неизменно доброжелательное отношение ко мне и сильную помощь, оказанную мне на Кавказе Вашим письмом.²⁴ Могу я Вас уверить, что Ваша рекомендация будет оправдана моей работой: тому порукой отношение ко мне на моей теперешней службе.

Ваша почитательница и вечно Вам признательная Ю. Данзас».²⁵

Горький пытался в очередной раз помочь Данзас, о чем свидетельствует ее письмо 1933 года, являющееся откликом на несохранившееся послание:

«Ленинград
Ул. Восстания 34 кв. 11

Уважаемый и дорогой Алексей Максимович!

Спасибо Вам от всего сердца за дорогое письмо²⁶ и за участие в деле водворения меня на новую, более легкую и более интересную для меня работу. К сожалению, дело несколько затягивается. Т<оварищ> Федоров встретил меня очень хорошо, благодаря Вашему письму, и сказал принести ему соответствующее заявление с „curriculum vitae“. Я ему написала свою биографию (вполне откровенную) и передала. Он был вполне удовлетворен, сказал зайти за ответом 2го. Но когда я пришла 2го, он сказал, что дело можно устроить не сейчас, а между 15–20 октября, так как у него пока нет свободной

²⁴ Письмо Горького утрачено.

²⁵ Данзас Ю. Н. Письмо М. Горькому 12 сентября <1933 года> // АГ. КГ-РЗн-1-136-4. Л. 1–2 об.

²⁶ Письмо Горького утрачено.

вакансии. А у меня на старой службе целая катавасия, так как директор и слышать не хочет о моем уходе. Словом, дело может решиться, по-видимому, только недели через две, но голова моя теперь вообще не тем занята. Дорогой Алексей Максимович, ведь брат за меня вносит деньги и ходатайствует о выезде, виза уже имеется, вопрос лишь в разрешении Москвы. Екатерина Павловна за меня хлопочет, при Вашей могучей поддержке все было бы возможно, и я умоляю Вас не отказать в этой поддержке. Мое здоровье настолько плохо, что я уже работаю из последних сил, начавшиеся осенние холода уже больно меня бьют, я просто не выдерживаю сурового климата при плохих условиях питания, одежды и пр<очего>. Вы меня так тепло спрашиваете, не нужно ли мне денег или еще чего. Нет, нет, мне денег не надо, они уже не помогут. Я прошу Вашей помощи в предоставлении мне возможности добывать себе хлеб в более легких условиях, а я сумею оправдать это доверие и показать лицо человека, прошедшего через тяжелую, полезную переоценку ценностей.

Позвольте надеяться на Вас, на Ваше большое сердце. Ю. Данзас».²⁷

Данзас смогла уехать из Советской России в начале 1934 года.²⁸ В открытке, посланной Е. П. Пешковой 5 марта того же года уже из-за границы, она сообщала о начале своей эмигрантской жизни: «Примите, дорогая Екатерина Павловна, сердечный привет из Берлина от вечно признательной неоплатной Вашей должницы. Приступаю к починке своего здоровья, сегодня уже буду у глазного врача, затем, вероятно, слягу в клинику для лечения почек и всего прочего. Ю. Данзас».²⁹

После выезда из СССР она снова приняла монашеский постриг, преподавала, писала книги, создала центр по изучению Советского Союза под названием «Истина». В 1936 году М. Горький скончался. Написанный Данзас некролог «Максим Горький» был одним из немногих исторически справедливых отзывов русского зарубежья на смерть «буревестника революции». В нем Данзас отмечала: если в дни смерти писателя «обратим внимание на тот факт, что имя Горького в настоящее время связано с вещами, происхождение и сущность которых были ему абсолютно чужды, — станет ясно, что это лишь составная часть сложного явления, которое был Горький. <...> Никакая литературная слава не может объяснить такого апофеоза. Он обращен к политической личности, или, точнее, к той политической роли, которую хотели навязать человеку <...> Реальная личность Горького исчезает за облаками официального фимиама. Когда эти облака рассеются, снова обнаружится живой человек, гораздо более простой, иногда озадачивающий, но и более привлекательный. Сейчас, когда он держит ответ перед Высшим судьей за врученные ему дары, <...> он окружен не только ширмами, но и молитвами тех, кого он утешал и поддерживал, тех, кто обязан ему своей жизнью, и тех, кто знал в нем человека доброго и чувствительного, с сердцем, широко открытым состраданию».³⁰

История взаимоотношений Максима Горького и Юлии Данзас после Октября 1917 года является характерным примером общественной позиции и деятельности писателя по спасению русской культуры и ее создателей не только в 1917–1921 годах, но и позднее. Горький многократно помогал Данзас, видя в ней, по его словам, «милую душу, автора весьма умных, интересных книг». Их знакомство оставило значимый след и в его творчестве. Петроградские беседы с исследовательницей русских ересей и сам облик волевой красавицы легли в основу образа одной из героинь эпопеи «Жизнь Клима Самгина» — Марины Зотовой. Данзас же, много претерпевшая от Советов и ставшая авторитетным эмигрантским критиком большевистского государства, никогда не отождествляла Горького с неприемлемой ею властью и была одним из тех

²⁷ Данзас Ю. Н. Письмо М. Горькому. <1933 год> // АГ. КГ-РЗн-1-136-6. Л. 1–2 об.

²⁸ Об отъезде Ю. Н. Данзас см.: Данзас Я. Н. Письмо Е. П. Пешковой от 17 октября 1933 года // АГ. ФЕП-Кр24-53-1.

²⁹ Данзас Ю. Н. Открытое письмо Е. П. Пешковой. 5 марта 1934 года // АГ. ФЕП-Кр-24-2-16.

³⁰ Данзас Ю. Максим Горький / Пер. с фр. М. Агурского // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 5. С. 370, 377.

немногочисленных видных представителей русской эмиграции, кто добрым словом помянул и человека, и писателя Максима Горького.

В Приложении по автографу публикуется «Автобиография» Ю. Н. Данзас, хранящаяся в фонде Е. П. Пешковой (АГ. ФЭП-Кр-24-2-1. Л. 1–2 об.). Возможно, она была написана с целью включения в комплект документов, необходимых для подачи заявления на выезд из СССР. Текст не датирован. Предположительное время его создания — не ранее 1932 года — срока окончания пребывания Данзас в заключении и ссылке.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ю. Н. Данзас

АВТОБИОГРАФИЯ

Юлия Николаевна Данзас род<илась> в 1879 г<оду>. Отец ее (Николай Карлович) служил в Мин<истерстве> Иностранных Дел, умер в 1888 г<оду>. Мать, урожд<енная> Аргиропуло, ум<ерла> в 1920 г<оду>.

Ранние годы детства провела за границей, т<ак> к<ак> Н<иколай> К<арлович> Данзас был посланником в Афинах и потом в Брюсселе. После его смерти (1888 г<од>) его вдова с детьми жила большей частью в Петербурге, т<ак> к<ак> сын учился в Училище Правоведения. Ее единственная дочь, Юлия Николаевна, была все время при ней, получила домашнее образование и никогда не была в среднем учебном заведении, т<ак> к<ак> мать приглашала лучших профессоров для занятий на дому и дала дочери блестящее образование.

С 17-летнего возраста Ю<лия> Н<иколаевна> хотела поступить в университет, но встретила противодействие со стороны матери, и только в 1899 г<оду> ей удалось поступить в парижскую Сорбонну, где окончила в 1903 г<оду> курс по факультету истории и филологии.

С этого времени Ю<лия> Н<иколаевна> жила большей частью за границей, занимаясь научной работой по истории у Lavissee'a, Boissier и Luchaire'a в Париже, у Гарнака в Берлине, у Duchesue'a и др<угих> в Риме. Состояла сотрудницей «Revue historique» и «Revue de l'histoire des religions», писала много статей и исторических монографий на французском языке. В России проводила ежегодно не менее 4–5 месяцев, так как ее мать имела постоянное местопребывание в Петербурге. Имела звание фрейлины Двора, данное ей по хлопотам матери в память отца, но это звание, сохранившееся за ней только потому, что она не вышла замуж,¹ не было связано ни с какими обязательствами или придворной службой: оно лишь давало *право на приглашение* на разные придворные празднества и церемонии, без обязательства присутствия на них. Единственный случай близкого общения со Двором был в 1911 г<оду>, когда Ю<лию> Н<иколаевну> хотели назначить воспитательницей царских дочерей и вызывали на переговоры по этому поводу: кандидатура Ю<лии> Н<иколаевны> была выставлена только потому, что в ее лице было редкое сочетание фрейлинского звания с ученой степенью. Но Ю<лия> Н<иколаевна> отказалась от предложенной ей должности, не желая лишать себя свободы и чувствуя отвращение к придворной службе. После этого отказа была уже до конца полная отчужденность от Двора и подчеркнуто-холодное отношение к Ю<лии> Н<иколаевне>, тем более, что у нее на почве личных столкновений была вражда с семьей Танеевых и всеильной тогда Вырубовой. При Дворе Ю<лию> Н<иколаевну> считали с тех пор «скрытой революционеркой» и вдобавок атеисткой; камарилья придворных фанатиков ее ненавидела. Между прочим, ей ставили в вину ее работу в С<анкт>-П<етер>б<ургском> Дамском благотворительно-тюремном комитете, членом которого она состояла с 1906 г<ода>, а с 1911 г<ода> состояла вице-председательницей комиссии этого комитета по С<анкт>-П<етер>-б<ургской> Женской тюрьме и по этой должности много помогала политзаключен-

ным. Все это создавало почву для антипатии со стороны Двора, и с 1911 г<ода> Ю<лия> Н<иколаевна> там почти не появлялась даже на самых официальных приемах; о более интимных приглашениях даже не было и речи.

Жизнь Ю<лии> Н<иколаевны> за этот период (до войны) протекала исключительно в научной работе, с путешествиями по всей Европе для занятий в соответствующих научных учреждениях и библиотеках. Материальная обеспеченность (мать давала ей в год 12 тысяч р<ублей> на ее личные потребности) давала ей полную свободу работы по личному вкусу без заботы о заработке. До 1907 г<ода> Ю<лия> Н<иколаевна> издавала свои работы только в Париже и на французском языке. В 1907 г<оду> она издала в С<анкт-П><етер><б><урге> свою первую русскую книгу «Запросы мысли»; последующие 4 года работала исключительно в Париже и Риме, где на почве изучения истории христианства у нее начался перелом от атеизма к христианству в его католической форме. С 1911 г<ода> она работала над книгой «Очерки по истории гностицизма» («В поисках за Божеством»), кот<орая> является русской переработкой защищенной в Париже диссертации о гностике Василиде. Эта книга появилась в С<анкт-П><етер><б><урге> в 1913 г<оду> в издании Суворина и навлекла на автора неприятности со стороны духовной цензуры; особых последствий это не имело лишь потому, что автор был скрыт под псевдонимом «Юрий Николаев».

В 1914 г<оду> мировая война застала Ю<лию> Н<иколаевну> в России. Она тотчас уехала на фронт для работы по Кр<асному> Кресту и заведовала Полевым подвижным складом Кр<асного> Кр<еста> 10^й Армии до февраля 1917 г<ода>, когда получила телеграмму о тяжелой болезни матери, немедленно выехала в Петроград и здесь застала уже Февральскую Революцию. С этого времени Ю<лия> Н<иколаевна> жила безвыездно в Петрограде, так как на ее руках была параличная мать и еще 4 старых и больных родственников. Осенью 17го года она поступила на службу в Публичную библиотеку, по совместительству была преподавательницей Высшего института имени Герцена, занималась переводами и пр<очее>.

В 1920 г<оду>, тотчас после смерти своей матери, Ю<лия> Н<иколаевна> исполнила свое давнишнее, отложенное до тех пор желание перейти официально в католичество: переход состоялся в ноябре 1920 г<ода>. Ю<лия> Н<иколаевна> считала в то время, что католичество в России должно возродить религиозное чувство, убитое казенной православной церковью, и поэтому она сблизилась с «восточниками» (униатами), сочувствуя идее обращения остатков православной церкви в унию. Однако двухлетнее общение с «восточниками» принесло ей полное разочарование в них и в их будущности. С весны 1923 г<ода> она окончательно порвала с ними, была даже во враждебных отношениях с ними, и осталась просто католичкой-латинкой, какой и должна была быть по рождению (вся семья Данзас католическая, а Н<иколай> К<арлович> Данзас, отец Ю<лии> Н<иколаевны>, оказался православным только по закону, т<ак> к<ак> его мать была православной. Сам он был атеистом).

15 ноября 1923 г<ода> Ю<лия> Н<иколаевна> была арестована по обвинению в сношениях с «восточниками», причем ей не дали возможности объяснить свое отношение к ним.

Приговор был по ст<атье> 61 (ныне 58¹¹).

¹ Фрейлинское звание терялось при выходе замуж (прим. Ю. Н. Данзас).